

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-1-93-107

УДК [94+631.115.11-021.63](470.44)19||1930-1935|

РОЛЬ ЛИЧНОГО ПОДСОБНОГО ХОЗЯЙСТВА В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ КОЛХОЗНИКОВ САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х

Котельников В.А.

***Цель.** Результаты создания колхозной системы путем построения крупных коллективных хозяйств неоднозначны. Современные авторы активно изучают и вводят в научный оборот всё новые факты и материалы, поэтому тема не теряет своей актуальности. Целью работы является анализ роли личных подсобных хозяйств в повседневной жизни колхозников Саратовского Поволжья в первой половине 1930-х годов.*

***Метод или методология проведения работы.** Реализация поставленной цели была достигнута благодаря использованию данных из государственного архива новейшей истории Саратовской области. Особый интерес представляли документы крайкомов и райкомов, органов НКВД, докладные записки председателей колхозов. Методологический потенциал включает в себя применение базовых принципов исторического исследования: сравнительного, системно-исторического и междисциплинарного подходов.*

***Результаты.** Были исследованы особенности существования личного подсобного хозяйства в повседневной трудовой жизни крестьян. Показана важнейшая роль подсобного хозяйства в материально-бытовом обеспечении колхозника. Сделан вывод о получении определенных послаблений после сплошной коллективизации и голода, которые были окончательно прекращены к 1939 г.*

***Область применения результатов.** В научный оборот вводятся новые архивные данные, которые могут быть использованы для изучения различных аспектов коллективизации. Результаты исследования могут быть применены в практике преподавания исторических дисциплин и в научных целях.*

Ключевые слова: коллективизация; личное подсобное хозяйство; крестьянство; примерный устав сельскохозяйственной артели

THE ROLE OF PERSONAL SUBSIDIARY PLOTS IN THE DAILY LIFE OF COLLECTIVE FARMERS IN THE SARATOV VOLGA REGION IN THE FIRST HALF OF THE 1930S

Kotelnikov V.A.

Purpose. *Consequences of collective farming are controversial. Modern authors are studying new facts and materials; therefore, the topic is still relevant. The purpose of this paper is to analyze the role of personal subsidiary farming as a part of collective farmers' daily routine in Saratov Volga region in the first half of the 1930s.*

Methods. *The purpose was achieved due to the data of Saratov State archive of modern history. The documents of district committees and NKVD, the reports from collective farm chairs were of a great interest. Basic methods were used, i.e. comparative, system-historical and interdisciplinary.*

Results. *The peculiarities of personal subsidiary farms as a part of collective farmers' daily routine were analyzed. The importance of a personal subsidiary farm as a financial source is described. As a conclusion comes certain weakening after collectivization and famine to have stopped in 1939.*

Possible application. *New archive data was introduced and can be used for studying different aspects of collectivization. The research results can be applied in history teaching and for scientific purposes.*

Keywords: *collectivization; personal part-time farm; peasantry; approximate charter of agricultural artel; market*

Введение

Крестьяне всегда мечтали о таком положении, когда они смогут быть полностью защищены от кризиса и разорения в неурожайные годы. Весьма актуальной эта проблема была для крестьян засуш-

ливого Саратовского Поволжья. Изначально считалось, что коллективизация решит этот вопрос и создаст необходимые условия для удовлетворения всех потребностей в колхозе. Однако, реалии первых лет колхозной жизни оказались совершенно иными. Неумеренное, неадекватное изъятие государством колхозной продукции как главного источника средств для выполнения планов индустриализации сделало то, что не удалось сделать засухе: в деревне разразился массовый голод, приведший к гибели миллионов крестьян.

Одной из причин высокой смертности населения стало либо полное изъятие у крестьян приусадебных участков либо их размеры, не позволявшие выращивать на них даже самые необходимые для пропитания овощи.

Путем проведения преобразований в деревне государство преследовало цель – установить жесткий контроль в своих интересах над всем сельскохозяйственным производством, как правило, игнорируя аграрные региональные и местные особенности. Например, до коллективизации основным занятием крестьян с. Мордово Бальцерского кантона АССР НП было выращивание плодов, овощей и ягод, после коллективизации основной отраслью созданного в деревне колхоза им. Калинина стало полеводство [4,32]. Применение тракторов и комбайнов на посевных площадях было невозможно ввиду гористого рельефа и изрезанности пашни оврагами и балками. В результате новая ведущая отрасль, внедренная сверху, направленная исключительно на удовлетворение приоритетных нужд индустриализации и отдававшая предпочтение зерновым посевам, в ущерб развитию других сельскохозяйственных культур, заведомо не могла быть эффективной как в силу объективных условий (характер местности) так и субъективного фактора (отсутствие у крестьян села Мордово навыков ведения полеводческого хозяйства). Одновременно разрушалось многолетнее уникальное плодово-ягодное производство. Подобных фактов в Саратовском Поволжье было немало.

Проблема коллективизации и форсированной модернизации страны подробно освещалась в работах российских и зарубежных

авторов [1; 8; 10; 11; 12; 16; 17; 18; 19; 20; 22]. Исследователей продолжают интересовать вопросы крестьянской повседневности в 1930-х, в последнее время это стало трендом в научных исследованиях. Изучение данной проблемы в Саратовском Поволжье не привело к появлению специализированных работ. В то же время в разные годы издавались работы, освещавшие различные аспекты политики государства в регионе [9; 21].

Целью работы является анализ роли личных подсобных хозяйств в повседневной жизни колхозников Саратовского Поволжья в первой половине 1930-х годов. В работе раскрываются вопросы повседневности членов артели, оплаты труда, практики выделения и обработки приусадебных участков в условиях становления колхозной системы.

Материалы и методы

В основу исследования были положены делопроизводственные документы Ф.594 Саратовского обкома ВКП (б) из государственного архива новейшей истории Саратовской области. С помощью данных источников была рассмотрена региональная специфика развития личного подсобного хозяйства. Работа подготовлена с опорой на базовые принципы научности и историзма с применением сравнительного, системно-исторического, междисциплинарного подходов.

Результаты

Повседневная жизнь в колхозе требовала от участников артели выполнения определенных повинностей, фактически крестьянин не принадлежал себе. Он должен был приходить и уходить в одно и то же время, выполнять распоряжения руководства, бережно относиться к социалистической собственности и др. Отказ от выполнения заданий считался грубым нарушением трудовой дисциплины и влек за собой суровое наказание. Кроме того, он общественно порицался: отстающим колхозникам и бригадам выдавалось рогожное знамя, их помещали на черные доски, выдавали орден лодыря и разгильдяя, и т.п. Вовлечение колхозников в ударное движение

встречало ожесточенное сопротивление со стороны крестьянства, «ударничество» все больше приобретало для них характер отрицательного, раздражающего фактора [11,216].

Запутанным, далеко не всегда ясным для колхозников оставался вопрос оплаты их труда. После выполнения всех обязательств перед государством, оставшиеся материальные и денежные средства доход колхозников распределялся в натуральном и денежном выражении. Рядовые труженики, работающие в бригадах чабанами, доярками, «севцами» (посевщиками) не знали, сколько они зарабатывают в день. Оплата по трудодням оплачивалась по-разному, в зависимости от сложности выполненных работ. Техника учета производилась 1 раз в три месяца – в результате выполнения квартального задания. Однако даже добросовестный труд, не гарантировал справедливой оплаты труда и безбедного существования. Так, колхозник «Красной зари» Ртищевского района Лежнев М.С. выработавший в 1932 г. 373 трудодня не имел хлеба и вынужден был продавать свои вещи на рынке, чтобы прокормить свою семью [5,122].

Пожалуй наиболее ярко политика власти по отношению к колхозникам осенью 1932 г. продемонстрирована в выступлении второго секретаря обкома ВКП(б) АССР немцев Поволжья А. Павлова на пленуме обкома: «Распределение доходов в колхозах было таково, что колхозникам мы не выдавали на руки хлеба, а засчитывали его в общественное питание, и по существу засчитывался хлеб тот, который был уже съеден в колхозе...» [9,266]. Это признание наглядно подтверждает тот факт, что в зиму 1932–1933 гг. крестьяне, кормильцы общества, сами остались без средств существования, то есть сознательно обрекались на голодную смерть.

В этих условиях фактор наличия приусадебного хозяйства, на котором имелась работа круглый год, становился решающим. Устав сельскохозяйственной артели 1930 г. разрешал обрабатывать небольшой участок исключительно на основе личного труда. Впрочем, документ носил формальный характер, он не определял размеры приусадебных угодий и не гарантировал защиты от посягательств со стороны государства [20,118]. Так, колхозники должны

были сдавать в определенном количестве картофель, при наличии коровы обобществлялось молоко и вне зависимости от наличия скота, им «спускался» план по мясозаготовкам. Более того, постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20 июня 1933 г. предусматривалось организовать обязательную зернопоставку с колхозников, посеявших зерновые культуры на приусадебных землях: «из расчета фактического посева на 5% ниже нормы единоличников и на 5% выше нормы колхозов» [13].

Приусадебные участки в первой половине 1930-х оставались достаточно небольшими, поэтому крестьяне в первую очередь были заинтересованы в расширении своих угодий. В ходе проверки незаконно захваченные земли отбирались и переходили в пользование колхозов.

Чтобы внести ясность в данном вопросе в докладной записке в крайком ВКП(б) от 8 августа 1934 г., из Балтайского района предлагалось установить твердые размеры индивидуальных наделов. Нормы землепользования огородами для колхозников определялись в 0,08 га (8 соток) из расчета на одного едока, а размеры индивидуальных хозяйств 0,06 га (6 соток) на едока, при этом посев зерновых культур на индивидуальных участках запрещался [4,22]. Но даже если бы и не было запрета, ввиду ограниченности участков, сеять хлеб и технические культуры на них было нецелесообразно. Поэтому происходила переориентация производства на выращивание огородных культур, овощей, картофеля и различных корнеплодов.

Ликвидация кормовых посевов ухудшила условия для выращивания скота, а, следовательно, негативно повлияла на его количественный и качественный рост в индивидуальных хозяйствах колхозников. Крестьянину, у которого в личном хозяйстве уже имелась корова, сложно было прокормить даже ее единственную. Поэтому он был вынужден молодняк отправлять на забой.

Личное подсобное хозяйство большее развитие получило в районах правобережья, где качество приусадебных земель было значительно лучше, а размеры участков были в 2-3 раза больше, чем в левобережье. Практически вся земля, из которой выделялась часть

надела для личного пользования, принадлежала колхозу. Поскольку от своевременного и полного выполнения плана поставок сельхозпродукции зависела судьба колхозного руководства, лучшие земли оставались за колхозом, колхозники получали под приусадебные участки, в основном, отдаленные и худшие колхозные земли. Однако, нередкими бывали случаи, когда начальство отступало от этих правил и произвольно наделяло землей семьи, которым покровительствовало. Нередко, таким семьям передавались для посева зерновых культур: проса, ржи, пшеницы, неиспользуемые колхозом земли.

В некоторых районах за отдельную плату местным руководителям (председателю колхоза, председателю сельсовета) можно было обзавестись хорошими угодьями. В ходе обследования уполномоченного Комитета партийного контроля по Саратовскому краю И. Бельца, были установлены факты «искривления земельной политики». Пользуясь своим положением, сельсоветы сдавали в аренду колхозникам и единоличникам приусадебные участки отходников, раскулаченных и исключенных из артели. Земля сдавалась по цене от 10 до 50 рублей за участок («загон») размером 3-5 сажений ширины на 40-50 сажений длины¹. Бесхозные огороды и огороды раскулаченных сдавались в аренду по 5 копеек с квадратной сажени [7,240-244].

Большинство приусадебных посевов колхозников имели четкую товарную направленность. В постановлении ЦИК и СНК СССР «О порядке производства торговли колхозов, колхозников, и трудящихся единоличных крестьян» от 20 мая 1932 г. – разрешалась колхозная торговля, на жестко регулируемом рынке, и только после выполнения всех обязательств перед государством [16, 414]. В связи с постоянным и острым дефицитом продовольствия, роль колхозного рынка в снабжении населения молоком, яйцами, маслом, мясом, а

¹ В СССР была введена метрическая система мер, однако в деревне традиционно продолжали пользоваться русской системой мер, привязанной еще Петром I к английской системе мер. Одна дореволюционная сажень равнялась 7 английским футам, т.е – 213,36 см.

в зимние месяцы колбасой, оставалась существенной. По причине высокого спроса продуктов животноводства, только одна корова могла принести крестьянину до 20% дополнительного дохода.

В результате, особо предприимчивые колхозники имели возможность не только выполнять обязательства перед государством, но и реализовать излишки в городе. При этом заработок с приусадебных посевов, на которых традиционно трудились женщины, порой в несколько раз превышал денежные доходы, полученные в колхозе. Так, колхозница Ф.Р. Горелова из Аркадакского района, за год заработала в колхозе 65 трудодней, а ее муж 270 трудодней, и получила деньгами 62 р., и 5,9 ц. зерна, а от индивидуального хозяйства заработала: от сада 2 000 рублей, огорода – 500 руб., от коровы 720 р., а всего 3 220 р. [4,92].

Размер приусадебных участков и производимой на них сельскохозяйственной продукции находился в прямой зависимости от близости к крупным городским и районным базарам. Так, в колхозах Вязовского района, граничившего с Саратовом, индивидуальные посева были на 0,1-0,2 га больше, чем у колхозников в отдаленных от города колхозах [4,89]. Часть продуктов скрывалась от налогообложения, а на вырученные деньги в основном приобретались промышленные товары.

Естественно, столь интенсивное сосредоточение колхозниками своих сил на приусадебных хозяйствах влекло за собой снижение «трудовой дисциплины» в артели. В первой половине 1930-х массовый невыход на работу наблюдался по всему Саратовскому краю. Председатель колхоза «Знамя Труда» Бековского района жаловался, что не может заставить крестьян работать в выходные дни: «В воскресный день никто не выходит на работу, приходится работать только ударникам, чтобы не срывать работы по молотье, а остальные люди просто уходят. Молодежь едет по-праздничному одетая в Беково, старухи едут на базар» [3,23]. Помимо привязанности к своему земельному наделу, в крестьянском мировоззрении была заложена враждебность к крупному не принадлежавшему ему хозяйству: оно ассоциировалось с утратой личной свободы, и едва ли

не с возвращением к крепостным порядкам. Со времени отмены крепостного права прошло 70 лет и память о нем у крестьян была еще достаточно четкой и конкретной.

Крестьяне Балашовского района жаловались на плохое социально-экономическое и бытовое обеспечение в колхозах:

– «зачем я пойду в колхоз, когда я молоком себя обеспечу».

– «моя бабка (жена. – *В. К*) детей и огород свой не бросит, в поле не пойдет, у нее сердце есть. И дети будут здоровы и все, что с огорода соберу, будет мое, а на трудодни еще не знаю, дадут чего или нет» [6,39].

В условиях наращивания темпов производства и массового нежелания крестьян «ударно» трудиться в колхозах, государство прибегало к помощи административного нажима. Не случайно в 1933 году создаются чрезвычайные органы, политотделы МТС, в сферу деятельности которых входил надзор за работой в колхозе. В том же году была введена система штрафов за нарушение трудовой дисциплины. За отказ от работы или невыполнения планов налагался штраф в размере пяти трудодней, а за повторное нарушение следовало исключение из колхозов.

Со стороны власти любая попытка выхода за рамки «курса партии в деревне» было равносильно вредительству. По мнению партийного руководства, все сельское население либо должно было вступить в колхозы, либо автоматически приравнивалось к «кулакам» [1,256]. По этой же логике нарушение трудовой дисциплины колхозниками приравнивалось к «вредительству».

За 1934 год по Саратовскому краю насчитывалось 234 отстающих колхоза [2,34]. Крестьян обвиняли в «несознательности», мелкобуржуазности, нарушении трудовой дисциплины, объявляли классовыми врагами. Главной причиной этих обвинений в большинстве случаев становился недостаток тягловой и рабочей силы (из-за массового отхода крестьян на заработки, во время сева на одного трудоспособного приходилось от 12 до 15,5 га земли, которую необходимо было обрабатывать). Второй причиной было излишнее, с точки зрения партийного руководства, внимание колхозников к

своим приусадебным участком (стремление получать основной доход от собственных садов и огородов), что естественно вело к ослаблению трудовой дисциплины (нежеланию трудиться в колхозе).

Исключение из колхоза, как правило, сопровождалось тяжелыми последствиями. Ведь большинство колхозников не имело альтернативного источника дохода. Многие крестьяне, покинувшие колхозы, не смогли добиться возвращения своего имущества у местных властей. Они, как правило, уходили из колхоза без земли, лошади, сельскохозяйственного инвентаря. В Саратовском крае по данным 17 районов и 4 МТС, исключили за нарушение дисциплины в 1933 г. – 13 768 семей и 4 577 «социально чуждых элементов» [4, 57]. Сталин на закрытом совещании в ЦК ВКП (б) 2 июля 1934 по вопросам коллективизации так охарактеризовал эту меру: «это не то, что исключить из партии, это гораздо хуже... потому что у тебя отнимают источник существования, ты опозорен, во-первых, и, во-вторых, обречен на голодное существование» [17, 187].

В итоге, индивидуальное сельскохозяйственное производство в первой половине 1930-х развивалось неоднозначно. С одной стороны, в 1933 г. были приняты законы об обязательных поставках сельскохозяйственной продукции, запрещающие «встречные планы», облегчены условия приобретения и содержания скота индивидуального пользования, разрешалась колхозная торговля, частичное развитие получило приусадебное хозяйство и др.

Но с другой стороны, жесткое выполнение колхозных планов на основе «видов на урожай», плохая организация труда, бесхозяйственность, отсутствие материальных стимулов вынуждали колхозников сосредоточивать свои силы на приусадебных участках. Именно в своих угодьях проявлялась крестьянская хозяйственность, трудовая инициатива, заинтересованность в повышении урожайности. Государству, особенно после массовых голода и смертности населения в 1932–1933 гг. приходилось учитывать сложившуюся обстановку в деревне. Постепенно оно вынуждено было признать важную роль приусадебных участков в сфере удовлетворения насущных потребностей населения в селах и городах.

Результатом стало принятие нового Примерного устава сельскохозяйственной артели в начале февраля 1935 г. II Всесоюзным съездом колхозников-ударников СССР и утверждение его Совнаркомом СССР и ЦК ВКП (б). За колхозами земля закреплялась «на навечно», устанавливались размеры приусадебного участка. По предложению Сталина нормы для колхозного двора были установлены от 0,25 до 0,5 га (от 25 до 50 соток), а в отдельных районах до 1 га (100 соток): «в зависимости от областных и районных условий, определяемых наркомземами союзных республик на основе указаний Наркомзема СССР» [15, 392].

Заключение

Таким образом, колхозам удалось получить определенные послабления после разрушительных последствий сплошной коллективизации и голода. Теперь каждый колхозник мог законно рассчитывать на фиксированный приусадебный участок, иметь одну корову, до двух голов молодняка рогатого скота, одну свиноматку с приплодом, до десяти овец и коз, неограниченное количество птицы и кроликов, и до 20 ульев. Однако, задача «колхозного строительства» не была снята, а политика «чрезвычайщины» оставалась главенствующей. Более того, новый устав не запрещал местным органам нарушать права колхозников, и при проведении заготовок давать колхозникам встречные планы.

Либеральные отношения к селу продлилось всего несколько лет. 27 мая 1939 г. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) приняли совместное постановление № 755 «О мерах охраны общественных земель от разбазаривания», согласно которому надлежало произвести обмер приусадебных участков колхозников и все «излишки» земли отобрать и вернуть в состав общественных земель колхозов [14].

Список литературы

1. Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М.: РОССПЭН, 2010.
2. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 1. Д. 25.

3. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 44.
4. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 51.
5. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 55.
6. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 60.
7. ГАНИСО. Ф. 2863. Оп. 1. Д. 136.
8. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М., 2001.
9. Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918-1941. М.: МСНК-пресс, 2007.
10. Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2008.
11. Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930-1939. Москва: Наука, 2006.
12. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941. М.: РОССПЭН, 2008.
13. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20 июня 1933 г. «Об обязательных поставках зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами из урожая 1933 г. На основе закона от 19 января 1933 г.» [Электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/41255> (дата обращения: 17.05.2020)
14. Постановление Совнаркома СССР и ЦУК ВКП(б) от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель от разбазаривания» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=14904#010857415853179919> (дата обращения: 17.05.2020)
15. Сталин И.В. Выступление на заседании комиссии II Всесоюзного съезда колхозников-ударников для рассмотрения проекта Примерного устава с/х артели // Трагедия советской деревни. Т.4. М.: Росспэн, 2002.
16. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Том 3. Конец 1930-1933. М.: РОССПЭН, 2000.
17. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Том 4. 1934-1936. М.: РОССПЭН, 2000.

18. Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005.
19. Лопатина Н.Л. Коллективизация 30-х годов XX века и её влияние на изменение социокультурного облика российской деревни (по воспоминаниям очевидцев). Кемерово, 2005.
20. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001.
21. Яковлева Ж.В. «Марш отсюда... церковь закрыта! Верующие теперь неверующие!»: Антирелигиозная кампания в Саратовском Поволжье (конец 1920-х-начало 1940-х гг.). Саратов: Техно-Декор, 2020.
22. Ярский-Смирнов П.Р, Ярская-Смирнова Е.Р. Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность. М., 2007.

References

1. Viola L. *Krest'yanskiy bunt v epokhu Stalina: Kollektivizatsiya i kul'tura krest'yanskogo soprotivleniya* [Peasant revolt in the era of Stalin: Collectivization and the culture of peasant resistance]. М.: ROSSPEN, 2010.
2. *Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Saratovskoy oblasti* [State Archives of the Contemporary History of the Saratov Region (SACHSR)]. F. 594. Op. 1.D. 25.
3. SACHSR. F. 594, op. 1. D. 44.
4. SACHSR. F. 594. Op. 1. D. 51.
5. SACHSR. F. 594. Op. 1. D. 55.
6. SACHSR. F. 594. Op. 1. D. 60.
7. SACHSR. F. 2863. Op. 1. D. 136.
8. Gratsiozi A. *Velikaya krest'yanskaya voyna v SSSR. Bol'sheviki i krest'yane. 1917–1933* [The Great Peasant War in the USSR. Bolsheviks and peasants. 1917-1933]. М., 2001.
9. Herman A.A. *Nemetskaya avtonomiya na Volge. 1918-1941* [German autonomy on the Volga. 1918-1941]. М.: MSNK-press, 2007.
10. Gregory P. *Politicheskaya ekonomiya stalinizma* [The political economy of Stalinism]. М., 2008.
11. Zelenin I.E. *Stalinskaya «revolyutsiya sverkh» posle «velikogo pere-loma»*. 1930-1939 [Stalin's "revolution from above" after the "great turning point". 1930-1939]. Moscow: Nauka, 2006.

12. Osokina E.A. *Za fasadom «stalinskogo izobilija»: Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927-1941* [Behind the facade of “Stalinist abundance”: Distribution and the market in supplying the population during the years of industrialization. 1927-1941]. M.: ROSSPEN, 2008.
13. Resolution of the Council of People’s Commissars of the USSR and the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks dated June 20, 1933 “On obligatory grain deliveries to the state by collective farms and individual farms from the harvest of 1933. On the basis of the law of January 19, 1933”. <http://istmat.info/node/41255> (accessed 05/17/2020)
14. Resolution of the Council of People’s Commissars of the USSR and the Central Control Commission of the All-Union Communist Party of Bolsheviks dated May 27, 1939 “On measures to protect public lands from squandering”. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=14904#010857415853179919> (accessed 05/17/2020)
15. Stalin I.V. Vystuplenie na zasedanii komissii II Vsesoyuznogo s’ezda kolkhoznikov-udarnikov dlya rassmotreniya proekta Primernogo ustava s/kh arteli [Speech at the meeting of the commission of the II All-Union Congress of Collective Farmers-Shock Workers to consider the draft Model Charter of the Agricultural Artel]. *Tragediya sovetskoy derevni* [Tragedy of the Soviet Village]. V. 4. M.: Rosspen, 2002.
16. *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. Dokumenty i materialy* [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. Documents and materials]. Volume 3. 1930-1933. M.: ROSSPEN, 2000.
17. *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. Dokumenty i materialy* [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. Documents and materials]. Volume 4. 1934-1936. M.: ROSSPEN, 2000.
18. Kozlova N.N. *Sovetskie lyudi. Stseny iz istorii* [Soviet people. Scenes from history]. M., 2005.

19. Lopatina N.L. *Kollektivizatsiya 30-kh godov KhKh veka i ee vliyanie na izmenenie sotsiokul'turnogo oblika rossiyskoy derevni (po vospominaniyam ochevidtsev)* [Collectivization of the 30s of the twentieth century and its influence on the change in the socio-cultural appearance of the Russian village (according to the recollections of eyewitnesses)]. Kemerovo, 2005.
20. Fitspatrik Sh. *Stalinskie krest'yane. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody: derevnya* [Stalin's peasants. Social history of Soviet Russia in the 30s: the village]. M., 2001.
21. Yakovleva Zh.V. «Marsh otsyuda... tserkov'zakryta! Veruyushchie tep'er' neveruyushchie!»: *Antireligioznaya kampaniya v Saratovskom Povolzh'e (konets 1920-kh-nachalo 1940-kh gg.)* ["March from here ... the church is closed! Believers are now unbelievers!"]: Anti-religious campaign in the Saratov Volga region (late 1920s-early 1940s). Saratov: Techno-Decor, 2020.
22. Yarskiy-Smirnov P.R., Yarskaya-Smirnova E.R. *Sovetskaya sotsial'naya politika 1920–1930-kh godov: ideologiya i povsednevnost'* [Soviet social policy of the 1920s – 1930s: ideology and everyday life]. M., 2007.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Котельников Вадим Алексеевич, аспирант 2 года обучения кафедры «Отечественной истории и историографии»
СГУ им. Н.Г. Чернышевского
ул. Астраханская, 83, Саратов, 410012 Российская Федерация
iimo@info.sgu.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kotelnikov Vadim A., Graduate Student

Saratov State University

83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russian Federation

iimo@info.sgu.ru

SPIN-code: 4555-0969

ORCID: 0000-0003-0007-2699